

Его лицо почти не выражало эмоций, но в глазах, подобных черному нефриту, читалось полное смятение. Это зрелище заставило Лю Жуюй невольно прыснуть со смеху:

— Ой, брат Фу, ну хватит тебе дразнить его! А то он потом и носа не покажет, когда ты будешь рядом!

— Ну уж нет, так не пойдет! — услышав слова Лю Жуюй, Фу Анье тотчас изобразил на лице преувеличенное изумление. — А если я от тоски по нему занедужу, что тогда делать?

От этих слов и комичной гримасы Фу Анье Лю Жуюй не удержалась и, прикрыв рот рукой, снова рассмеялась.

Фу Анье перевел взгляд с хохочущей девушки на Вэй Чэнцзэ, который стоял, выпрямив спину, и с покрасневшими ушами. Сердце Фу Анье наконец успокоилось, а смутные мысли обрели четкость.

Он хочет его. Он хочет Вэй Чэнцзэ.

Семь дней пролетели как одно мгновение. Вэй Чэнцзэ наблюдал за двумя противниками на тренировочной арене, и в его глазах мелькнул неподдельный интерес.

Вершина пика Купола была ровной, здесь не было никаких построек, кроме самой арены. Даже главе ордена, чтобы наблюдать за боем, приходилось либо искать себе место на ногах, либо, как и остальным небожителям, восседать на своем магическом артефакте. По словам Лю Жуюй, ежегодный турнир — это не только возможность оценить прогресс в совершенствовании, но и отличный повод для того, чтобы, кхм, полюбоваться величием глав пиков и старейшин. Говорят, по итогам даже составляют своеобразный рейтинг.

Вэй Чэнцзэ поднял голову и посмотрел на главу пика Безмятежности, который лениво возлежал на артефакте, напоминающем метлу, сжимая в одной руке винный сосуд, а в другой — веер. Затем он скользнул взглядом по изящной фигуре старейшины пика Охвата Луны, парирующей на длинном мече. Вэй Чэнцзэ искренне посочувствовал ученикам пика Небесного Предела.

Почувствовав на себе взгляд, та самая холодная красавица с Небесного Предела повернула голову, слегка кивнула ему и снова устремила взор на арену. Вэй Чэнцзэ отвел глаза, скрыв за опущенными ресницами любопытство. Этот пик Небесного Предела... и впрямь весьма любопытное место.

— Интересно, кто был тем гением, что создал подобный орден? — даже если бы он сам оказался на его месте, вряд ли смог бы сделать лучше.

Подождав немного, он не услышал ответа от системы 5438 и невольно удивился. Бросив взгляд на арену, где двое бойцов уже успели обменяться несколькими ударами, он мысленно спросил:

— Система?

Однако обычно гиперактивный 5438 на этот раз молчал. В голове было так тихо, будто никакой системы там и в помине не существовало. Вэй Чэнцзэ продолжал с видимым усердием следить за поединком, но пальцы его руки, опущенной вдоль тела, непроизвольно дрогнули.

— Неужели Сяо Цзэ нравятся именно такие? — низкий, обволакивающий голос с чарующими нотками раздался совсем близко. Горячее дыхание коснулось уха. Застигнутый врасплох Вэй Чэнцзэ вздрогнул и инстинктивно подался в сторону, но тут же оказался в чьих-то объятиях. У самого уха раздался приглушенный смешок, и Вэй Чэнцзэ замер.

Фу Анье с довольной улыбкой наблюдал за тем, как человек в его руках испуганно выпрямился, став жестким, словно доска:

— Ты так и не ответил на мой вопрос, м? — в конце фразы голос Фу Анье игриво дрогнул, звуча невероятно соблазнительно.

Даже зная истинный характер Вэй Чэнцзэ, видеть его в таком состоянии было сущей радостью. Вернее, именно потому, что он знал, каков Вэй Чэнцзэ на самом деле, эта его маска казалась еще более... милой, вызывая непреодолимое желание подразнить его.

Вэй Чэнцзэ, будто не сразу поняв смысл слов Фу Анье, сначала опешил, а потом, осознав происходящее, взглянул на ученика пика Охвата Луны на арене и поспешно отвел глаза. Его губы шевельнулись, он хотел что-то сказать, но не смог выдать ни звука, лишь позволил румянцу медленно расползтись до самых ушей.

Глядя на обнаженную изящную шею Вэй Чэнцзэ, Фу Анье невольно помрачнел, а взгляд его стал глубже.

С тех пор как он понял, чего именно хочет, он перестал скрывать свои намерения — он никогда не был из тех, кто привык идти на компромисс со своими желаниями. Похоже, он проявлял себя слишком явно, раз даже Лю Жуюй заподозрила неладное. Вспомнив события двухдневной давности, Фу Анье невольно улыбнулся.

— Брат Фу, — на прекрасном лице Лю Жуюй промелькнуло редкое выражение серьезности, — всему есть предел, даже шуткам.

— О? — Фу Анье приподнял бровь, глядя на девушку, и ответил с двусмысленной интонацией.

Лю Жуюй прикусила губу и медленно произнесла:

— Младший брат по натуре довольно нелюдим и не всегда может отличить шутку от...

— Я никогда не говорил, что шучу, — перебил ее Фу Анье.

— ...А? — Лю Жуюй ошарашенно уставилась на него, словно не в силах поверить услышанному.

— Я никогда не говорил, что это просто шутка, — Фу Анье смотрел прямо на нее, чеканя каждое слово. Его привычная улыбка исчезла, и в выражении лица не осталось ни тени насмешки.

Лю Жуюй долго смотрела на него, а затем медленно нахмурилась:

— Ты ведь не издеваешься над нами, правда?

— Много ли найдется смельчаков в Поднебесной, готовых играть с учеником Достопочтенного меча Цинмина? — Фу Анье вдруг рассмеялся, словно услышал нечто нелепое. Он посмотрел на Лю Жуюй, и веселье в его глазах начало таять, пока не исчезло вовсе. — Или ты считаешь, что раз мы оба мужчины, то это противоречит законам морали?

Лю Жуюй нахмурилась еще сильнее. Она оглядела его с ног до головы, словно видела впервые. Фу Анье не двигался, позволяя ей себя рассматривать, но если присмотреться, можно было заметить его напряжение и хорошо скрываемую тревогу.

Помолчав еще немного, Лю Жуюй внезапно рассмеялась:

— Да как такое возможно? — она озорно высунула язык. — Мир совершенствующихся не придает особого значения таким мирским условностям. Да полно пар, ставших спутниками на пути Дао! Да у самого старшего брата спутник — мужчина!

Фу Анье заметно выдохнул, но ее следующие слова снова заставили его сердце уйти в пятки.

— Однако... — Лю Жуюй обошла вокруг него, и в ее глазах блеснул лукавый огонек, — что думает об этом младший брат... я, увы, не знаю. — Она демонстративно развела руками. — Ты же знаешь, он из мира простых людей и недавно пришел на пик Небесного Предела. — Заметив, как напрягся Фу Анье, Лю Жуюй прищурилась и, встав на цыпочки, похлопала его по плечу: — Ладно-ладно, я помогу тебе, не переживай!

— Но если ты посмеешь обидеть младшего брата... хм-хм! — она погрозила Фу Анье кулаком, который не представлял никакой угрозы, но всем было ясно, что она будет защищать его до последнего.

Его Вэй Чэнцзэ... он всегда так легко покорял сердца окружающих.

В глазах Фу Анье промелькнула теплота, а тон стал легче:

— С таким надежным союзником, как ты, разве я посмею?

Отбросив мысли, Фу Анье посмотрел на Вэй Чэнцзэ, который от его близости стал еще более скованным, и не удержался — протянул руку, чтобы поправить его растрепанные после недавней суматохи волосы. Вэй Чэнцзэ замер, позволяя ему делать что угодно, и уставился на арену, хотя по его расфокусированному взгляду было ясно, что внимание его совсем не там.

Закончив с волосами, Фу Анье положил руку на плечо Вэй Чэнцзэ и непринужденно завел беседу, которая, впрочем, больше напоминала монолог.

Фу Анье чуть прищурился и небрежно скользнул взглядом в сторону. Лю Жуюй, которая во все глаза наблюдала за ними, тут же сделала вид, что попалась с поличным. Она неловко потеряла нос, проигнорировала молящий о помощи взгляд младшего брата, сухо кашлянула и, бросив: «Ой, кажется, я видела третьего брата!», поспешила ретироваться. Вэй Чэнцзэ инстинктивно хотел броситься вслед за ней, но рука Фу Анье удержала его на месте. За одно мгновение Лю Жуюй растворилась в толпе.

Взглянув на расстроенного Вэй Чэнцзэ, Фу Анье слегка наклонился и прошептал ему на ухо:

— Тебе не нравится быть со мной?

Вэй Чэнцзэ вздрогнул, широко открыл глаза и инстинктивно попытался отступить, но, споткнувшись о что-то, потерял равновесие. Фу Анье испугался, схватил его и притянул в свои объятия. Прядь волос коснулась носа, вызвав легкий зуд, влажное прикосновение едва ощутимо скользнуло по мочке уха — так быстро, что это могло показаться лишь иллюзией. И только тихий, едва различимый шепот, который тут же унес ветер, подтверждал, что это произошло на самом деле:

— Конечно, нравится.

Сердце Фу Анье неконтролируемо подпрыгнуло. Он смотрел на Вэй Чэнцзэ, который уже отстранился и сделал несколько шагов назад, чтобы восстановить равновесие, и вдруг почувствовал, как у него зачесались руки.

Вэй Чэнцзэ стоял неподвижно, не отрывая взгляда от арены, и, несмотря на то что Фу Анье не переставал что-то говорить рядом, не отвечал ни слова.

Двое бойцов, что сражались до этого, уже выявили победителя, но следующий человек, вышедший на арену, заставил Вэй Чэнцзэ издать удивленный возглас.

Фу Анье проследил за его взглядом и тоже приподнял бровь.

Мужчина в зеленом халате, на вид лет двадцати, слегка хмурился, словно чувствовал себя не в своей тарелке. Он обвел взглядом толпу и, остановившись на Вэй Чэнцзэ, кивнул ему. Вэй

Чэнцзэ опешил и инстинктивно хотел ответить тем же, но тот уже отвел взгляд.

Вэй Чэнцзэ видел его несколько раз: большинство пилюль, которые он принимал для лечения ран, были изготовлены этим человеком.

Ши Нань, третий ученик Цинь Цзыцзиня.

Вспоминая информацию об этом человеке, Вэй Чэнцзэ почувствовал любопытство.

Этот Ши Нань считался своего рода легендой пика Небесного Предела.

Он поднялся по Лестнице Сердца в двенадцать лет, был замечен Цинь Цзыцзином и принят в ученики. Обладая выдающимся талантом, он в искусстве алхимии превзошел многих великих мастеров мира совершенствования. Даже сейчас, будучи лишь на начальной стадии Золотого Ядра, он пользовался таким уважением, что никто не смел отнестись к нему пренебрежительно.

Конечно, версия, которую Вэй Чэнцзэ слышал от Лю Жуюй, отличалась от официальной. Например, Ши Нань поднялся по лестнице не ради того, чтобы стать учеником, а в поисках редкого ингредиента; и не Цинь Цзыцзинь заманил его в орден, а их старший брат; и, наконец, самая первая пилюля, которую он успешно создал, была... любовным зельем. Подобных секретов, о которых не знали посторонние, было предостаточно.

Как бы то ни было, никто не мог отрицать его таланта к алхимии. Он был настолько одержим своим делом, что редко покидал лабораторию, не говоря уже о подобных мероприятиях. Никто никогда не видел, как Ши Нань сражается — все знали о его способностях как алхимика, но о его реальной боевой силе почти никто не имел представления.

Вэй Чэнцзэ общался с ним нечасто: только когда Ши Нань приносил ему лекарства во время выздоровления или когда сам Вэй Чэнцзэ передавал ему редкие травы — те самые, что изначально должны были достаться Вэй Цзыаню. К сожалению, из-за того, что уровень симпатии Вэй Цзыаня к нему был крайне низок, 5438 удалось собрать лишь жалкие крохи удачи, из-за чего система пребывала в глубокой депрессии.

— Что значит «глубокая депрессия»? Я и сейчас в ней!! — внезапный голос в голове заставил Вэй Чэнцзэ вздрогнуть. Он опустил глаза, скрывая эмоции, но Фу Анье, стоявший рядом, заметил это и бросил на него быстрый взгляд.

— Решил заговорить? — тон Вэй Чэнцзэ был спокоен, но именно это спокойствие заставило сердце 5438 дрогнуть... ну, если бы оно у него было. Появшись, система жалобно пропищала: — У меня просто настроение плохое...

— М? — вопросительная интонация ясно дала понять, что хозяин недоволен. 5438 тут же сник: — Я виноват, простите!

Вэй Чэнцзэ остался доволен покорностью своей системы и после короткой паузы спросил:

— Что случилось?

— Просто когда это закончится, Вэй Цзыань пойдет ловить духовного зверя... — голос 5438 звучал вяло и безжизненно.

Вэй Чэнцзэ все понял. Благодаря благосклонности мира к главному герою, после каждого «испытания» они всегда получали выгоду, многократно превышающую их потери. Вэй Чэнцзэ, как главный герой этого мира, не был исключением. После того как он с позором проиграл на турнире и был осмеян недоброжелателями, в ходе потасовки Вэй Цзыань получил легкие ранения, отправился в задние горы за лекарствами и нашел там своего первого духовного зверя.

— Это же зверь уровня божественного существа, — продолжал нить 5438. — Если бы мы смогли его заполучить, сколько удачи бы привалило...

— Но симпатия Вэй Цзыаня к тебе слишком низка... — 5438 тяжело вздохнул, и в этом вздохе слышалось отчаяние.

Главный герой — это тот, кто больше всего любим миром. Тот, кого он ненавидит, фактически изгнан из этого мира. Поэтому, даже если бы Вэй Чэнцзэ приложил все усилия и отобрал зверя, принадлежавшего Вэй Цзыаню, он не получил бы ни капли удачи, а в придачу мог столкнуться с риском того, что зверь обернется против него.

...И вот почему его носитель так старательно пытается вызвать неприязнь Вэй Цзыаня?! 5438 совершенно не мог понять логику своего носителя.

Хотя, надо признать, к настоящему моменту Вэй Чэнцзэ собрал немало удачи. Но системе всегда мало, особенно когда она видела, что при желании Вэй Чэнцзэ мог бы получить гораздо больше.

Вэй Чэнцзэ догадывался о мыслях 5438, даже если та не озвучивала их. Но он никогда не был из тех, кто тратит терпение на объяснение своих планов, тем более что 5438 не был для него настолько важен.

В конце концов, это просто взаимовыгодное партнерство.

Поддавив холодную усмешку, Вэй Чэнцзэ загадочно произнес:

— Со временем ты все поймешь.

5438: ...Неужели я так и буду слушать эту отговорку до самого финала?

Почувствовав уныние 5438, Вэй Чэнцзэ едва заметно улыбнулся, но не успел он ничего

добавить, как вокруг внезапно воцарилась тишина. С недоумением подняв голову, Вэй Чэнцзэ увидел того самого «третьего брата», который с предельно серьезным видом смотрел на своего противника и искренне произнес:

— Младший брат только недавно начал обучение, я должен подать ему хороший пример, так что признавай поражение.

Вэй Чэнцзэ: ...?

Очнувшийся Вэй Чэнцзэ смотрел на происходящее с полным непониманием.

Вскоре сомнения Вэй Чэнцзэ разрешились.

— Если трех пилюль Прорыва недостаточно, я добавлю еще одну пилюлю Очищения костного мозга, — невозмутимо сказал Ши Нань, глядя на противника, у которого от таких слов задергался глаз.

Вэй Чэнцзэ: ...

Пилюля Прорыва помогала совершенствующимся ниже стадии Золотого Ядра преодолеть узкое место, а пилюля Очищения костного мозга улучшала врожденные способности — обе были на вес золота. Но... черт возьми, ты серьезно предлагаешь взятку у всех на глазах?! Это же издевательство!

Бедолага, которому выпало сражаться с Ши Нанем, чувствовал, как у него дергается веко. Он смотрел на Ши Наня, который даже не осознавал неуместности своего поведения, и чувствовал себя глубоко несчастным.

— Брат Ши... — он глубоко вздохнул и с трудом выдавил улыбку. — Мы же на арене, мы... — Но Ши Нань прервал его:

— Если признаешь поражение, сможешь первым выбирать из моих новых пилюль.

Как только слова Ши Наня стихли, вокруг послышались дружные вздохи изумления. Право первоочередного выбора — это не то, что можно сравнить с парой пилюль. С нынешними способностями Ши Наня даже предки стадии Зарождения Души вынуждены были вести себя с ним подобострастно, чтобы выпросить лекарство, — и то не факт, что получали желаемое. А тут, ради отборочного тура турнира, он предложил такие условия?

Толпа тут же начала обсуждать того самого «младшего брата», о котором говорил Ши Нань, а те, кто знал Вэй Чэнцзэ, то и дело бросали на него взгляды.

Вэй Чэнцзэ явно чувствовал себя не в своей тарелке, став центром внимания. Он выпрямил спину, сжал губы в тонкую линию, словно пытаясь подавить желание развернуться и сбежать.

— Эй! — над головой Вэй Чэнцзэ раздался смешок. Он поднял голову и встретился взглядом с главой пика Безмятежности, который сменил позу. Этот глава, чье поведение совершенно не соответствовало названию его пика, помахал винным сосудом и с интересом произнес: — А твой брат весьма забавный!

Вэй Чэнцзэ был вынужден согласиться, хотя и не показал этого на лице. Он взглянул на человека, сидящего на метле, и нахмурился. Он хотел было что-то ответить, но тот явно не собирался слушать:

— Жаль только, — Цинь Цзю цыкнул языком с видом глубокого сожаления, — тот парень не согласится на такие условия.

Вэй Чэнцзэ опешил и обернулся к арене. И верно: противник Ши Наня не только не проявил ни малейшего колебания, но, напротив, крепче сжал свое копье, словно в следующую секунду собирался не выдержать и нанести удар прямо по голове Ши Наня.

Глубоко вздохнув, Шан Лу подавил желание броситься вперед и избить противника. Он развернул копье, направив острие на Ши Наня, и его взгляд стал острым, как клинок:

— Прошу прощения, но на арене все решает сила.

Сказав это, он не дал Ши Наню и слова вставить, оттолкнулся ногами от земли и рванулся вперед, нанося сокрушительный удар копьем.

И затем — не встретив ни малейшего сопротивления, он просто вышвырнул Ши Наня с арены.

Толпа: ...

<http://bllate.org/book/22485/2370636>